

А. СЕРАФИМОВИЧ

ТРИ ДРУГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1977

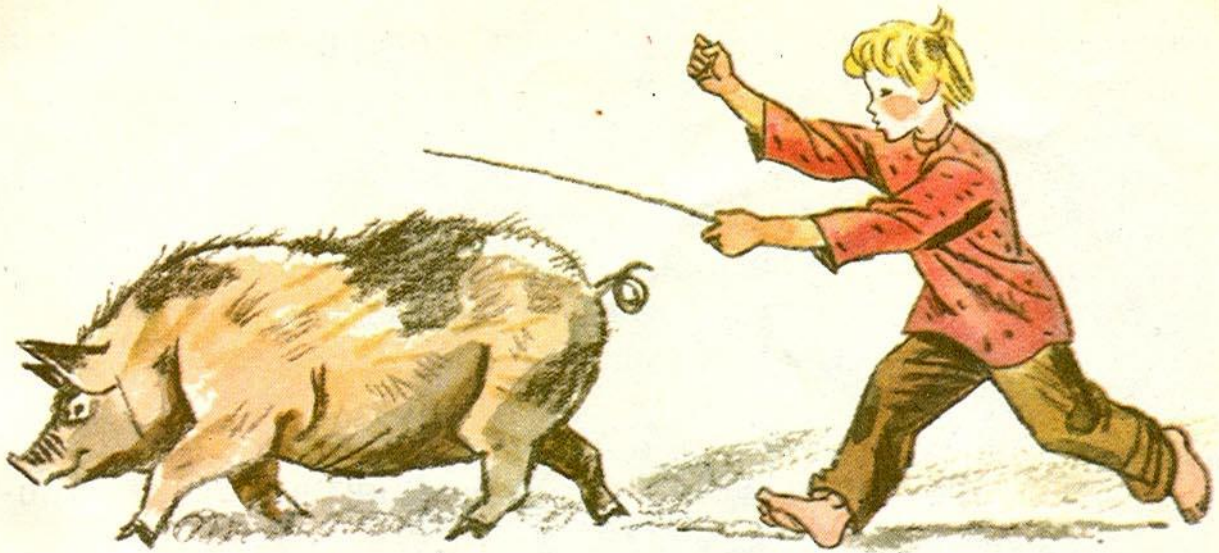

А. СЕРАФИМОВИЧ

ТРИ ДРУГА

*Рисунки
М. Стефрова*

I

треннее, не жаркое ещё солнце чуть поднялось над соседней хатой и сквозь вербы задробилось золотыми лучами, а семилетний Ванятка уже слез со скамейки под образами, где ему стлала всегда matka, и выбрался из душной хаты.

Мать, повязанная ушастым платком, кидала на дворе зерно и кричала:

— Кеть, кеть, кеть, кеть!..

К ней со всех ног бежали куры, индюшки, неуклюже раскачиваясь, спешили утки, гуси. Свиньи, приподняв уши и похрюкивая, тоже торопились, разгоняя птицу, а мать на них кричала:

— Та це!

Ванятка ухватил хворостину и, радостно визжа, стал гонять хрюкавших и повизгивавших свиней.

— Гони их на улицу! — закричала мать.

Ванятка, забегая то спереди, то сзади, стегал хворостиной кидавшихся во все стороны свиней. Свиньи не выдержали и побежали в раскрытые скрипучие жёрдевые ворота. Только лишь старый кабан, с нависшими изо рта жёлтыми

клыками, угрожающе остановился, повернувшись мордой к Ванятке, как будто говорил:

— Ну, ну, подойди, подойди!..

Ванятка знал, что он не одну собаку запорол клыками. А отец рассказывал, что в лугу распорол брюхо лошади, наступившей на поросёнка.

Ванятка подбежал к кабану, который был выше его, и, чуя его горячее дыхание, вытянул между маленьких злых кабаньих глаз хворостиной. Кабан повернулся и грузно побежал на улицу, а мать закричала:

— Не трожь, пострел! Он тебе-таки выпустит кишки... — И дала подзатыльника.

А когда Ванятка заревел на весь двор, утёрла ему нос и сказала:

— Не плачь, сынок, иди в конюшню, помогай отцу, — запрягает на степь ехать.

Ванятка побежал к конюшне. Отец, подставив под телегу дугу, мазал дёгтем и крутил ходко вертевшееся на приподнятой оси колесо.

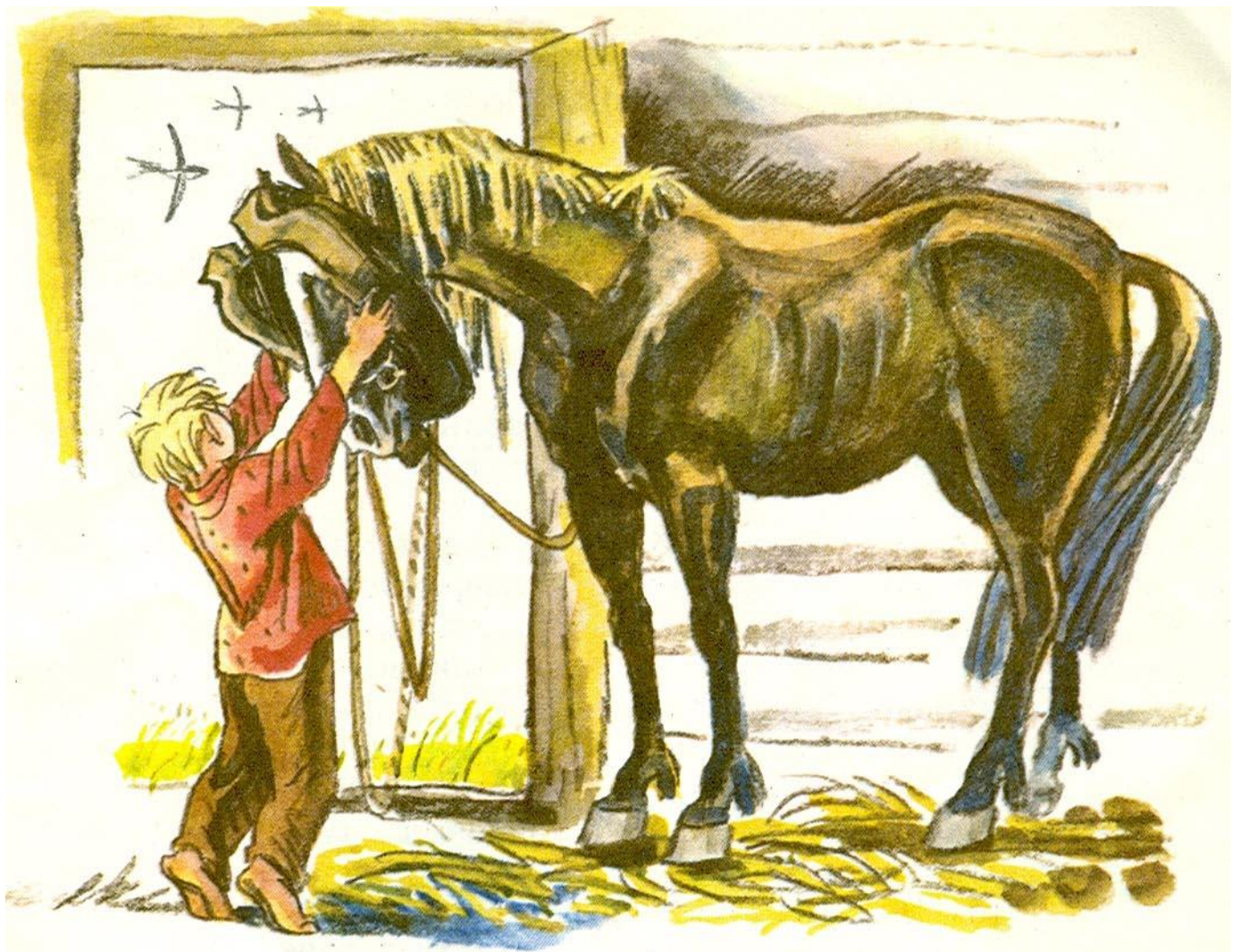
Ванятка постоял, глядя хитрыми серыми глазами. Он был белобрыс, брови его выцвели от солнца и степного ветра, а нос облупился. Очень хотелось самому подмазывать телегу, макать чёрный помазок в ведёрко с дёгтем, крутить ходко вертевшееся на поднятой оси колесо, но отец всё равно не позволит, а даст подзатыльника.

Ванятке хотелось всё делать, что делают взрослые, а силёнки не хватало.

Вот и теперь — постоял-постоял, поглядел на скособочившуюся телегу, на широкую спину наклонившегося отца и юркнул в конюшню.

В конюшне под соломенной крышей летали ласточки, а в углу, свесив губу, стоял, покачиваясь от дремоты, Пегаш. Без уздечки, без шлеи и хомута он казался голым.

Хомут висел на деревянном гвозде, вбитом в стену. Ванятка поднялся на цыпочки, достал руками хомут, а снять не может — тяжёл. Ухватился за шлею и стал изо

всех сил тянуть в сторону, — хомут грузно упал на навоз. Ванятка, напрягаясь, подтащил его к коленям лошади и, весь красный от натуги, приподнял и стал надевать на морду Пегашу.

Пегаш, подрагивая добрыми, мягкими губами, нагнул голову, вытянул шею, помогая надевать на себя хомут, но Ванятка никак не мог справиться, запутавшись в шлее. Наконец кое-как насунул хомут на нос, но через глаза не мог продвинуть. Пегашу надоело, и он высоко вскинул голову. Хомут сам собою ссунулся на шею, а Ванятка отчаянно завизжал: его зацепило шлейей, и он повис под лошадиной шеей. Пегашка смирно стоял, пожёвывая губами.

Мужик вошёл на визг, высвободил болтавшегося в воздухе Ванятку — лицо у него было расцарапано — поставил наземь и дал такого шлепка, что тот вылетел из конюшни и с рёвом побежал к матери, да не добежал: из открытого база выскочили беломордые телята и, задрав хвосты, стали носиться по двору, подбрыкивая.

Ванятка схватил хворостину и погнал их на улицу, а с улицы, обогнув сад, — на гору.

На горе потянулась степь, сколько глаз хватает, и на самом краю стояли курганы, три кургана, как три брата. За курганами отец будет косить сено.

Телята спустились в балочку и, помахивая хвостиками, стали щипать траву, а Ванятка обернулся в другую сторону и, приложив руку козырьком, стал глядеть. Под горой, за хутором, тянулся луг, по лугу извилисто блестела речка, темнели вербы, а дальше, теряясь обоими концами, как жёлтая ниточка, тянулась линия железной дороги. Телеграфные столбы стояли тоненькими палочками, и тихонько ползла длинная сороконожка — поезд; чуть белел передвигавшийся дымок.

Потом Ванятка стал смотреть в ту сторону, где в сухом тумане пропадали рельсы, — там был город. Города не было видно, а тоненько-тоненько блестела звёздочка, — говорили, собор.

Долго смотрел в смутный, сизый, сухой туман, одевавший край земли, — очень хотелось глянуть хоть одним глазком, какой-такой город, какие там хаты, плетни, куры, собаки, и так ли скрипят там неподмазанные телеги, как у них по улицам.

Да забыл про город, упал на четвереньки и стал разыскивать заячью капусту.

Заячья капуста топорщилась в траве мясистыми листьями.

Сорвал и долго со вкусом жевал, выплёвывая жевки. Потом поискал и поел щавелью. Потом сунул в муравьиное гнездо палочку и облизал с неё муравьиный сок.

В небе плавал коршун.
Ванятка огляделся. Солнце поднялось. Становилось жарко, и от зноя степь стала трепетать тонким трепетанием.

Ванятка побежал с горы, мотая руками, как крыльями, — есть захотелось.

II

Над двором стоял зной; над навозом гулко тучами зудели серые мухи, а ласточки с чиликаньем низко и мгновенно проносились.

У печурки, сложенной во дворе, возилась мать с хлебами, — к утру надо везти на покос, — и сказала:

— Кабы дождя не было, касаточки разыгрались!..

Обедали в хате только Ванятка, двухлетняя сестрёнка да мать, а старшие брат и сестра и отец были на покосе.

— Мамка, — сказал Ванятка, отпуская пояс на раздувшемся животе, — я к батюне пойду на покос. Чего я тут не видал!..

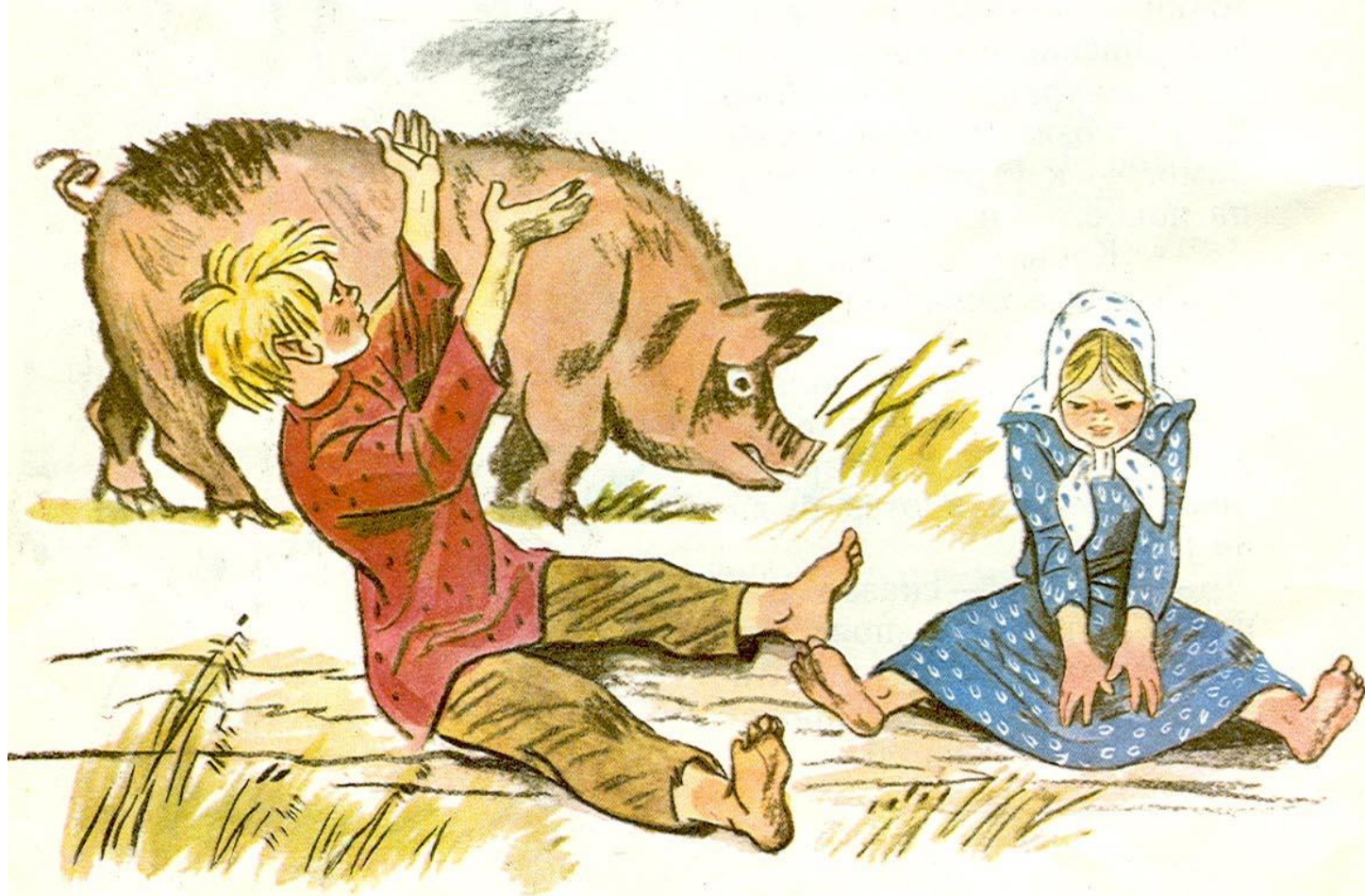
— Я те пойду!.. Я те так пойду, своих не узнаешь...
— Чего я тут не видал... — плаксиво тянул Ванятка.
— Цыц! Бери Нюрку да ступай на двор... Да гляди мне за ней, а то надысь нос расквасила. Ступай.

Ванятка подхватил сестрёнку под животик и поволок из хаты.

Во дворе всё то же: зной, зудящие мухи и белогрудые ласточки, мелькая, чиликают.

Мать, убравшись с посудой; пошла месить навоз, тяжело вытаскивая из него босые, сразу ставшие грязными ноги. Потом навоз станут резать кирпичами, потом их высушат и будут зимой топить печи.

Ванятка выбрался с Нюркой на улицу; сели с ней посредине в горячую мягкую пыль и стали играть. Пришла

старая свинья, постояла около них, посмотрела и пошла кушать копеечки, которые густо росли вдоль дороги.

Ванятка вскочил, погнался было за свиньёй, потом сказал, делая страшное лицо и выпучив глаза:

— Нюрка, беги скорее к матке, а то свинья съест.

Девочка жалобно заплакала, закрыв ладошкой глазки, и, ковыляя, направилась к воротам, а Ванятка что есть духу пустился по дороге, обжигая босые ноги о горячую пыль, обогнул сад и, задыхаясь, вбежал на гору.

Внизу, за хатами, открылся луг, блестящая в зное река, ниточка железной дороги, но Ванятка ничего этого не видел, а пустился бежать к трём курганам, которые стояли, как три брата.

Жёсткая мелкая трава царапала босые ноги, солнце жгло. Иногда Ванятка с размаху садился на землю, хватал обеими руками ногу, выворачивал подошву, подтаскивая её к самому лицу, слюнями оттирал налипшую пыль и грязь, и, схватив чёрными ногтями воткнувшуюся колючку, выдёргивал и опять пускался бежать.

Добежит до покоса, — трава там не такая, как тут: высокая, густая — отец ездит на громко звенящей, грохочущей косилке, управляя ножами; брат Алёшка гоняет потных лошадей, а сестра Варька на кизьяках варит кашу. Подойдёт Ванятка, скажет: «Пусти, Алёшка!» И станет сам гонять лошадей, косилка пойдёт ещё лучше, и отец скажет: «Ай да Ванька, молодец!..»

И вдруг вспомнил плачущую Нюрку... Заныло сердце, приостановился, посмотрел: луг уж скрылся за далёким краем обрыва, спряталась и речка, не видно железнодорожной линии, лишь сизоватый сухой туман лежит на краю, и в нём чуть заметно звёздочка сияет. А впереди — степь, и три кургана, три брата на самом краю стоят.

Опять побежал. Спустился в балочку, стал подыматься, да остановился: впереди какая-то большая рыжая птица бросилась на землю, потом взмыла, опять упала, снова сильными взмахами поднялась и снова рыжим комом

упала, и что-то на траве под ней трепыхалось, что-то жёлтое и живое.

Ванятка что есть духу побежал и увидал, — под коршуном отбивается и кричит, как ребёночек, тоненько и жалобно зайчишка. Подыметса коршун, зайчишка прыгнет раза два-три, а тот упадёт на него и начнёт терзать когтями и клювом, зайчишка заверещит, опять прыгнет, и опять насядет коршун.

Ванятка пронзительно закричал и бросился к зайцу, испуганно махая руками. Коршун недовольно поднялся, раскинув большие крылья; виднелся кривой нос, который он поворачивал то в ту, то в другую сторону, да лапы желтоватые, мохнатые, которые он так и не подобрал. Коршун улетел.

Зайчишка весь съёжился комочком и сидел неподвижно, покорно заложив уши на спину и глядя большим выпуклым, круглым глазом. Шёрстка на нём мягкая, как

пух, — зайчишка был совсем молоденький, молочный, — и голова в крови.

Ванятка взял его на руки. Он не сопротивлялся, а подвигал лапками и улёгся комочком, как в гнезде.

Ванятка, осторожно держа, понёс его домой:

— Ах, ты, сердяга!.. Лапушка моя... бедненький... Ишь, проклятый, как он тебя!..

— Мамунька!.. мамунька!.. — не своим голосом заорал Ванятка, вскакивая во двор, весь дрожа, с пылающим лицом, — гли, кого я поймал.

— Это ещё чего такое?.. Вот кабы увидали тебя на улице собаки, разодрали бы совсем и с зайцем.

А Ванятка весь дрожит, прижимая зайца:

— Мамуня!.. мамуня!.. мамуня!.. я его под лавку, я его под лавку... — и понёс в хату.

Мать закричала:

— Куды ты?! Вот я тебя совсем с ним на улицу выгоню.

Тогда Ванятка побежал к амбару, чтоб там устроить своего больного, но когда подбежал к дверям, заяц вдруг развернулся, как пружина, толкнул в грудь, прыгнул на землю и, не успев моргнуть Ванятка, исчез под амбаром в узкую дыру, проделанную крысами.

Ванятка упал животом на землю и, прижимаясь лицом к мелкой сухой соломе и горячей пыли, долго глядел в дыру, но там было черно и пусто.

III

А ночью случилась гроза, — не даром так припекало днём, и низко летали касаточки. Ванятка спал под образами на лавке. Спал он всегда крепко и ничего никогда не слышал, а сегодня чудилось, бегают будто по степи, а за ним гоняется коршун, и будто нос у коршуна кривой, а глаз один вывернутый, красный. И вдруг сквозь веки почувял,

кто-то заглянул ярко-синий, режущий. И опять заглянул, да так нестерпимо, что Ванятка открыл глаза.

Сквозь щели ставен лился ослепительно синеватый, почти белый свет, несколько секунд лился, дрожа, потом погас, и стало непроглядно черно, глухо. Ванятка зажмурился, а сквозь веки опять на секунду заглянул ослепительный свет и погас.

Ванятка вскочил, ничего не видя. Стало невыразимо страшно, не оттого, что вспыхивал этот ослепительный даже сквозь веки свет, а оттого, что вспыхивал он молча. Когда погас, в темноте стояло глухое молчание, и Ванятка закричал:

— Мамуня-а!..

Мать спала на кровати с маленькой сестрёнкой; Ванятка сполз на пол и, натыкаясь на стол, на скамейки, стал

пробираться к кровати. Пошарил — пусто. Опять сквозь щели полился свет, и Ванятка увидал, матери нет, а Нюрка, прильнув к подушке, тихонько подсвистывала носом.

Снова всё стало черно, глухо. Ванятка кинулся к выходу, нащупал дверь, и когда отворил, всё увидал, яркое и отчётливое: пустой двор, корыто посредине, плетни и белый, как кипень, нетрепещущий тополь.

— Мамка-а!.. — закричал он в темноте и побежал к базам, — должно быть, мать пошла подпереть двери, чтоб скотина не разбежалась.

Но когда всё кругом снова замерцало в ослепительном свете, он увидал, что возле не базы, а плетень в соседний сад. Сейчас же всё потухло, и Ванятка, протянув руки, побежал к базам, а когда осветило, увидал, что лазает у конюшни.

Заворчал гром. Упали тяжёлые капли. Плача, натываясь то на плетень, то на кучу соломы или навоза, метался Ванятка, зовя мать.

Густо посыпал дождь. Гром раскатывался, заполняя всё небо. И хоть часто, почти без перерыва, светила молния, сквозь мелькающую, мутно-белёсую сетку дождя ничего не было видно.

Отдавшись отчаянию, весь мокрый, Ванятка, как стоял, сел на корточки, не зная, где он, и горько всхлипывал, глотая слёзы вместе с сбегавшим по лицу дождём.

А гром то оглушал потрясающим треском, то ровно, как множество колёс, раскатывался во всех направлениях, то, глухо ворча, смолкал. Тогда, слышно было, шумел дождь, и с томительными промежутками вспыхивал синевато-беспредельный свет, трепетно отражаясь в бегущих всюду ручьях.

— Мамулька-а... мамка-а-а... ы-ы-ы...

И вдруг прислушался: возле, у самых ног, кто-то бесконечно жалобно и беспомощно вякал. Ванятка протянул руки и нащупал мокрого, грязного, слабо ворочавшегося щенка. Верно, кто-нибудь выбросил, и щенок прибился к воротам.

Сразу прошёл страх, ощущение заброшенности, одиночества. Ванятка поднял щенка, прижал, чувствуя, как он теплеет, тыкается мордочкой в грудь, и пошёл, сразу разбирая, что он сидел под плетнём у ворот.

Молния широко осветила растворенную дверь в хату.

В комнате, освещаемая побледневшей и поредевшей молнией, мать беспокойно шарила по лавке:

— Ты где делся?.. Ванятка!..

Ванятка осторожно пробирался к своей лавке, и вода бежала с него, оставляя лужи. Очень хотелось ему рассказать матери о своей находке, да побоялся, и, прижав пригревшегося щенка, крепко и сладко заснул. Заснул, и приснилось ему, будто опять налетает коршун, клюёт и больно бьёт его крыльями.

Вскочил испуганно, а это мать больно шлёпает его рукой, и уже день на дворе.

— Это что за моду взял!.. Не таскайся, не таскайся!.. Всё запакостил... Вот тебе!.. Вот тебе!..

Потом схватила жалобно завизжавшего щенка и понесла во двор и за воротами выкинула в лопухи.

Ванятка бежал за ней плача. А когда ушла, подобрал щенка, принёс к амбару и устроил ему из соломы гнездо в старой кошёлке.

Так завелось у Ванятки своё хозяйство.

Заяц долго сидел под амбаром, да голод не тётка, и в конце концов высунулся из дыры, выставив мордочку, торопливо обнюхивая подвижными ноздрями воздух. Поклёванный глаз заструпился, втянуло его, стал подживать. Здоровый, большой, круглый и любопытный, глядел осторожно.

Ванятка клал около дыры под амбаром кусочки хлеба, молодые капустные листья, ставил молоко в кринке, приносил из степи

заячьей капусты, и заяц всё подбирал. Стал есть из рук и день ото дня ручнел.

Вот только собаки одолевали. Как только приедет под праздник отец с поля, собаки придут за телегой и, как звери, кидаются к амбару, а заяц юркнет в дыру и уже не показывается. Собаки визжат, роют лапами, да не достать.

Да и отец был недоволен и раза два больно оттрепал за волосы Ванятку, чтоб делом занимался, а не баловался с зайцем. Дела же у Ванятки всегда было много, как и у всех во дворе. Когда лошади были дома, гонял лошадей и быков на водопой, выгонял телят на гору, возил отцу на ближний покос хлеба, пшена, глядел за Нюркой. Зато в каждую свободную минуту бежал к амбару и проводил время с друзьями.

Щенок и заяц подросли и выровнялись, привыкли друг к другу и презабавно играли. Щенок облапит зайца, поймает за шиворот и начинает немилосердно таскать. Заяц встанет на задние лапы — да так забарабанит передними по морде, что щенок повалится на спину и начинает отбиваться, сердито повизгивая. А Ванятка покатывается со смеху.

Только взрослые досаждали Ванятке: гонялись за зайцем, травили собаками. Но заяц перестал бояться собак: погонятся за ним, он под амбар; а если посреди двора окружат, вскочит в телегу или в сени забьётся, а раз вскочил в большую кадку с резаной соломой. Собаки прыгают кругом, а достать не могут; увидал Ванятка, выручил.

Щенок и заяц спали вместе в кошёлке, свернувшись клубочком. А утром рано, чуть зорька низко покраснеет за дальними вербами, щенок и заяц являются к окну, за которым спит Ванятка, станут на задние лапы и заглядывают. Щенок повизгивает, а заяц вдруг забарабанит по стеклу, да так, что, того и гляди, стекло вылетит.

Увидит мать и прогонит хворостиной, а не увидит, Ванятка откроет окошко и даст каждому по корочке хлеба, припасённой с вечера.

IV

Однажды случилось событие, которое не только помирило всех с зайцем и щенком, но и доставило обоим почётное положение.

Лето перевалило за Ильин день. Пшеницу сняли, и все стали готовить катки и молотилки.

Отец Ванятки тоже целый день налаживал каменные катки, чтоб утром на заре отвезти их на поле и начать молотьбу.

Ночь была чёрная, ветреная, — суховея трепал в темноте вербы и тополя, кружил по тёмному двору соломинки и сухие камышинки. Все крепко спали. Собаки полаяли с вечера и тоже дремали, свернувшись под телегой. Заяц со щенком забились под амбар.

С улицы, осторожно скрипнув жердевыми воротами, вошли три человека; у одного был лом. Собаки с рёвом вырвались из-под телеги. Им бросили несколько кусков сала с отравой. Они похватали, сейчас же стали кататься в судорогах и неподвижно вытянулись.

Три человека стали ломать замок у конюшни, из-под амбара выскочил щенок и, вертясь около ног, стал тявкать. Тот, что держал лом, ударил им щенка, но в темноте задел лишь слегка. Щенок отчаянно завизжал и понёсся, поджав одну ногу, к Ваняткиному окну; заяц испуганно помчался за ним. Под окном щенок, надрываясь, визжал, метался, а заяц стал на задние лапы и забарабанил в стекло.

Услыхал Ваняткин отец, схватил ружьё, вышел на двор, покликнул собак, — никто не отзывался. Это показалось подозрительным, и он выстрелил в воздух. Потом позвал старшего сына, вместе осмотрели двор, нашлидохлых собак, а на дверях конюшни погнутую дужку замка; воров и след простыл, — не успели сломать замка.

С этих пор и щенок и заяц стали полноправными гражданами во дворе. Мать Ваняткина стала обоих кормить.

— Ничего, пушай растёт, — говорил Ваняткин отец, трепля радостно лизавшего руки щенка, — пушай растёт, сторожем будет. Ишь, рот чёрный — злой будет.

И дали клички: щенку — Забияка, а зайцу — Одноглазый. Они привыкли и прибежали на клички.

К осени Забияка выровнялся в хорошую собаку, обломатился, а кругом морды и около глаз выросли косматые, торчком стоящие усы и баки, что придавало ему свирепый вид. А Одноглазый стал белеть.

Ванятка не расставался с ними. Куда бы он ни шёл, впереди трусил лохматый, дымчатый Забияка, с косматой свирепой мордой, а сзади Одноглазый сделает два-три скачка, станет столбиком и поводит ушами, а там опять прыгнет и опять постоит и послушает. Если выскочат собаки, Одноглазый перемахнёт через плетень и исчезнет в саду, а там его лови не лови, не поймаешь.

Ванятка пройдёт дальше, оглянется, а Одноглазый опять тут, прыгнет, прыгнет, станет и пошевелит ушами.

Зато и Ванятка любил их. Бывало, сядет на землю, обнимет с одной стороны Одноглазого, с другой — Забияку, сидит и рассказывает им, как людям, по целым часам. А они понимают: Одноглазый пошевеливает ушами, а Забияка, нет-нет, да и лизнёт Ванятку в лицо, за что получает лёгонький тумак. И всяким сладким куском делился с ними Ванятка.

V

Пришёл сентябрь. Все Ваняткины товарищи ходили в школу. Скучно стало Ванятке, и говорит он как-то отцу:

— Батя, слышь, отдай в училище... Ну, чего я тут... Слышь, отдай.

Отец поглядел на серое небо, по которому скучно летели вороны, и сказал:

— Постой, сынок, рано тебе, пущай эта зима пройдёт, а на тот год отдам.

— Отдай-ай, батя... отда-ай...— упрямо хныкал Ваня.

— Цыц! Сказываю, на будущий год.

Ванятка замолчал, но задумал своё.

Пошли дожди. Деревья трепались в холодном ветре, который обрывал последние крутившиеся листья и заливал окна сбегающими ручьями. По лужам, покрывавшим целыми озёрами черневшие от грязи улицы, вскакивали и лопались дождевые пузыри. Стало неуютно, безлюдно, скучно. Одноглазый и Забияка целыми часами спали под амбаром.

Ванятка улучил минуту, достал с полатей старые отцовские сапоги и вставил туда ноги. На спину и на голову углом накинул от дождя мешок и отправился.

До училища было три версты. Грязь стояла непролазная. Колёса вязли по ступицу, лошади едва вытаскивали ноги.

Ванятка на улице сейчас же утонул сапогами, и когда потащил ноги, они вылезли из сапог. Тогда он ухватился за голенище, вытянул сапог и переставил одну ногу; потом ухватился за голенище другого сапога, переставил, так и стал передвигаться, переставляя ноги.

В пот ударило Ванятку. Он разогнулся и глянул назад: уныло опустив голову и хвост и вытаскивая грязные лапы, плёлся Забияка, а за ним то присядет, то прыгнет Одноглазый, по самые уши в грязи.

Ванятка замахнулся:

— Уйдите вы! Вам нельзя... Пошли, пошли!..

Забияка покорно завил хвостом, с которого текла грязь, а Одноглазый недоумевающе поводил ушами.

Ванятка стал швырять в них грязью, а они не понимали, за что это.

— Пошли!.. Убью... — кричал Ваня, отогнал и опять побрёл, утопая в грязи.

Косой дождь всё так же сек лицо и заливался за шею и в рукава. Идти было мучительно тяжело. Только когда выбрался на полугорье и пошёл косогором по каменистому хрящу, стало суше.

Вдали из-за сада показалось белое здание школы. Ваня, подходя к училищу, оглянулся: Забияка, нагнув голову, хитро крался, а Одноглазый стоял столбиком, пошевеливая ушами. Ваня опять с отчаянием стал швырять в них камнями, комьями грязи, со слезами озлобления крича. Забияка, поджав хвост, мокрый и жалкий, побежал под дождём домой, а за ним, то задерживаясь, то скачками, пошёл Одноглазый. Выскочила откуда-то, тьявая, собачонка, и заяц умчался.

Ваня обтёр в сенях свои чудовищные сапоги и вошёл в школу. Там стоял невероятный содом, гам, шум — была перемена. Ребятишки накиннулись на Ваню:

— А-а, зайчиный отец!..

— Ванька, здорово!..

Ваня стоял посреди них, не зная, что делать. Когда

пробил звонок, все повалили в класс. Ваня, шмурыгая по полу сапогами, которые он с трудом поднимал, вошёл вслед за другими и примостился на краешке парты.

Вошёл учитель. Все закричали:

— Новичок! Новичок!

Учитель подошёл к Ване:

— Ты чей?

Ваня стоял, упорно глядя в пол.

— Ну, что ж ты не говоришь? Чей же ты?

— Мамкин, — угрюмо сказал Ваня, всё глядя в пол.

Ребятишки покатались от хохота и закричали:

— Заячий хозяин...

— Он Щербаков... Щербака рыжего сын.

Учитель улыбнулся.

— Зачем же ты пришёл?

— Букварь.

Все опять засмеялись.

— Сколько тебе лет?

— Об рождестве девятый пойдёт.

— Видишь, хлопец, ты ещё мал; приходи на тот год.

— Я реветь буду, — всё так же хмуро заявил Ваня.

Учитель опять улыбнулся и ласково погладил его по голове.

— Ну, хорошо, оставайся пока; слушай, о чём тут говорят; я сам поговорю с отцом.

Класс стал заниматься, а Ваня, напрягаясь и морща лоб, слушал, ничего не понимая, и чувствовал себя, как в церкви.

Урок подходил к концу. Вдруг все головы повернулись к окну, и учитель остановился на полуслове: в омытом дождём стекле виднелись две морды, внимательно глядевшие в комнату, — одна косматая, другая с длинными ушами.

Ребятишки захохотали.

— Это что такое? — спросил учитель.

— Это Ванькин кобель да заяц.

— Одноглазый...

— На задних ногах стоят...

— Они у него выучены...

Учитель строго сказал:

— Это не годится. Нельзя так.

Ваня горько разрыдался.

Учитель, успокаивая, опять ласково погладил по голове:

— Ну, ничего, ничего, успокойся. Только не бери их с собой в другой раз.

Потом позвал сторожа и что-то сказал ему. Сторож, стуча в сенях сапогами, хлопнул наружной дверью, и в стекле разом исчезли и косматая и ушастая морды.

Когда Ваня возвращался, на косогоре его ждали и Забияка и Одноглазый, невыразимо грязные. Забияка, радостно визжа, прыгал и лизал в лицо, а Одноглазый становился столбиком и барабанил по коленям. Ванятка ласкал обоих и, радостный и счастливый, держась руками за голенища, чтобы не вылезли ноги, добрался домой.

Пришёл март. Снега быстро таяли, шумели овраги, птицы летели с юга, и солнце безоблачно сияло.

Ваня каждый день ходил в школу, но ни Забияка, ни Одноглазый его уже не провожали.

С зайцем стало делаться что-то странное. Стал он беспокойен, пуглив, поминутно навастривал уши, не давался в руки. И однажды исчез.

Долго ходил и искал его Ванятка, — нигде не было. Только, когда однажды выбрался на гору, на талом снегу увидел обтаявшие заячьи следы: большими скачками, видно, уходил в степь и уже больше не ворочался.

Только раз летом на покосе видел Ваня, как по скошенному месту прокатился крупный заяц, остановился на секунду, присел, повёл ушами и исчез, мелькнув в траве. Своя, видно, началась жизнь.

А у Вани и Забияки тоже у каждого своя была жизнь: Забияка зло сторожил двор, лошадей, скотину, днём и ночью не подпуская к дому никого. Стал он ещё косматее, вечно в ореховых, с мотающимися комками грязи на лохмах.

Ваня летом не покладая рук работал во дворе, в поле, ездил на мельницу, возил на станцию хлеб, а зимой в отцовских валенках бегал в школу.

1913—1914 г.г.

